

27 июня, после первой победы третьего сословия, Мирабо, до того времени, вызывавший к народу, резко отделился от него; он старался увлечь за собой и других представителей, предостерегая их против «помощников-бунтовщиков». В Собрании уже намечалась таким образом будущая программа жирондистов. Мирабо хотел, чтобы Собрание содействовало «поддержанию порядка, общественного спокойствия и власти законов и министров». Он шел даже дальше. Он хотел, чтобы Собрание сплотилось вокруг короля, потому что король желает добра, а если иногда и делает зло, то только потому, что его обманывают, что ему дают дурные советы!

И Собрание ему рукоплескало. «Дело в том, - совершенно верно говорит Луи Блан, - что вместо того, чтобы стараться свергнуть престол, *буржуазия уже стремилась стать под его защиту*. Отвергнутый дворянством, *Людовик XVI нашел самых верных и самых заботливых служителей в среде Общины*, на мгновение казавшихся такими непреклонными. Он перестал быть королем дворян и становился *королем собственников*». Этот коренной недостаток революции будет, как мы увидим дальше, тяготеть над нею все время, вплоть до самой реакции.

Между тем нищета в столице росла и росла. Правда, Неккер принял кое-какие меры для предотвращения голода. 7 сентября 1788 г. он приостановил вывоз хлеба из Франции и назначил премии для поощрения ввоза; 70 млн. ливров было истрачено на покупку хлеба за границей. Вместе с тем он придал широкую гласность решению королевского совета от 23 апреля 1789 г., которое предоставляло судьям и полицейским чиновникам право производить осмотр хлебных складов, принадлежавших частным лицам, делать опись находившегося в них зерна и в случае надобности посылать его на рынок. Но исполнение этих мер было поручено старым властям, и в результате получилось то, что хотя правительство и давало премии тем, кто ввозил хлеб в Париж, но ввезенный хлеб тотчас же вывозился тайными путями и потом ввозился вторично, чтобы снова получить премию. В провинции скупщики закупали хлеб специально для этой спекуляции; они скупали даже на корню будущий урожай.

В этом деле вполне проявился истинный характер Национального собрания. В момент присяги в Jeu de Paume оно было, несомненно, прекрасно; но по отношению к народу оно всегда прежде всего оставалось буржуазным. 4 июля Собрание, выслушав доклад своего Продовольственного комитета, обсуждало меры, которые следует принять, чтобы обеспечить народу хлеб и работу. Говорили целые часы, предложения сыпались одно за другим. Петион предложил заем, другие говорили о том, чтобы предоставить провинциальным собраниям принять необходимые меры, но ничего не было решено, ничего не было предпринято; дело ограничилось выражением сожалений о народе. А когда один из членов заговорил о спекуляторах и назвал некоторых из них, все Собрание оказалось против него. Через два дня, 6 июля, Буш заявил, что виновные известны и что через день они будут формально названы. «Общий страх овладел Собранием», - писал Горсас в только что основанном им «*Courtier de Versailles et de Paris*». Но пришел следующий день, и на этот счет не было больше произнесено ни слова. В промежутке между двумя заседаниями дело было замято. Почему? Как показали дальнейшие события, из боязни скандальных разоблачений.

Во всяком случае Собрание настолько боялось народного бунта, что, когда 30 июня в Париже произошли волнения по поводу ареста 11 солдат из французской гвардии, отказавшихся заряжать ружья боевыми патронами, Собрание послало королю адрес, составленный в самых раболепных выражениях и полный уверений в «глубокой привязанности к королевской власти»¹.

Как только король предоставил буржуазии малейшую долю участия в управлении, она уже начала спланиваться вокруг него и всей силой своей организованности стала помогать ему против народа. Но - и пусть это послужит предостережением для будущих революции - в жизни личностей, партии, а также и учреждений есть своя логика, которой никто не в силах изменить. Королевский деспотизм не мог поладить с буржуазией, требовавшей себе долю власти. Он логически, фатально должен был с ней вступить в бой и, раз вступивши в борьбу, должен был погибнуть и уступить место представительному правлению, т. е. форме, наиболее подходящей для буржуазии. Точно так же не мог он, не изменяя своей естественной опоре - дворянству, стать на почву народной демократии. Он старался поэтому всеми силами защищать дворянство и его привилегии, причем эти привилегированные дворяне при первом же испытании изменили ему.

---

¹ «Национальное собрание страдает от беспорядков, волнующих в настоящую минуту Париж... К королю будет послана депутация, чтобы умолять его соблагovolить прибегнуть для восстановления порядка к верному средству милосердия и доброты, столь присущих его сердцу, а также доверия, которое его верный народ всегда будет заслуживать».